

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Полоцкий государственный университет»

Романо-германская филология,
Контексты культуры
и литературные связи

Международный сборник научных статей

Новополоцк
2017

Редколлегия:

А.А. Гугнин – доктор филологических наук (отв. ред.);
 Д.А. Кондаков – кандидат филологических наук;
 Т.М. Гордеенок – кандидат филологических наук;
 Р.В. Гуревич – доктор филологических наук;
 Г.Н. Ермоленко – доктор филологических наук;
 Е.А. Зачевский – доктор филологических наук;
 З.И. Третьяк – кандидат филологических наук;
 Н.Б. Лысова – кандидат филологических наук;
 С.М. Лясевич – кандидат филологических наук;
 С.Ф. Мусиенко – доктор филологических наук;
 М.Д. Путрова – кандидат филологических наук;
 Л.Д. Синькова – доктор филологических наук;
 И.А. Чарота – доктор филологических наук.

Рецензенты:

кандидат филологических наук, профессор,
 заведующий кафедрой зарубежной литературы МГЛУ Ю.В. Стулов,
 кандидат филологических наук, доцент,
 заведующий кафедрой перевода БГУ Д.О. Половцев

Романо-германская филология. Контексты культуры и литературные связи : междунар. сб. науч. ст. / Полоцкий гос. ун-т ; редкол.: А.А. Гугнин (отв. ред.) [и др.] – Новополоцк, 2017. – 352 с.
 ISBN 978-985-531-572-9.

В настоящем международном научном сборнике, продолжающем предыдущие издания (2011 и 2013 гг.) кафедры мировой литературы и иностранных языков Полоцкого государственного университета, публикуются статьи по актуальным вопросам романо-германской и славянской филологии, методологии литературоведческих исследований, методике преподавания гуманитарных дисциплин. Особое внимание в данном сборнике уделено проблемам конкретно-исторического изучения литературных взаимосвязей, а также философским, социальным и литературоведческим аспектам изучения проблемы войны и мира.

УДК 82.0(082)
ББК 83.3(4)я43

- ³⁶ См. Розанов В.В. Война 1914 года и русское возрождение. – СПб., 1915. – С. 77–78, 150.
³⁷ Иванов Вяч. Вселенской дело // Прижизненные издания. – Москва, 1917. – С. 13.
³⁸ Иванов Вяч. Старая или новая вера? // Собрание сочинений. – Брюссель, 1979. – Т. 3. – С. 312.
³⁹ Иванов Вяч. О Шиллере // Собрание сочинений. – Брюссель, 1979. – Т. 4. – С. 172.
⁴⁰ Там же. – С. 174
⁴¹ Там же. – С. 173.
⁴² Там же. – С. 175.
⁴³ Там же. – С. 176.
⁴⁴ Там же.
⁴⁵ Там же. – С. 178–179.

ГОТФРИД БЕНН И РОССИЯ

Н.И. Ковалев

Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва (Россия)

Русская тема в творчестве Г. Бенна занимает одно из центральных мест, хотя специальных исследований, посвященных этому вопросу, ни в отечественном, ни в зарубежном «бенноведении» нам обнаружить не удалось. А ведь среди наций и культур, попадавших в поле зрения автора, пожалуй, только французская и немецкая удостоивались большего внимания.

Бенн глубоко интересовался не только русской литературой – в его произведениях встречаются упоминания и цитаты из Пушкина, Тургенева, Достоевского, Некрасова, Маяковского. Также поэт проявлял интерес и к самому русскому языку – в его тексты то и дело проникают отдельные русские словечки.

Первым примером такого проникновения можно считать раннюю драматическую сценку «Karandasch». Словарное значение этого слова в тексте не разъясняется, оно используется Бенном в независимых от него целях, как символ упорядоченности: «karandasch, karandasch – это коробка: в ней слова находят свое место» [1, S. 1534]. Схожим образом и стихотворение «Большевик» (1920) не содержит в себе никакой конкретики, относящейся к русской революции, слово «большевик» становится здесь вывеской для лирической ламентации по поводу упадка вообще, вне всякой связи с событиями в России, и негативное отношение автора к леворадикальному движению тут едва чувствуется.

В дальнейшем Бенн употребляет русские слова с большей осознанностью. Из творчества Бенна межвоенного периода можно выделить стихотворение «Innerlich», в котором появляется формулировка «grosse Nitschewo» («великое Ничего») и это русское слово уже однозначно отсылает нас к конкретному явлению русской культуры, крайне важному для Бенна – нигилизму.

О русском происхождении этого явления Бенн говорит в программном эссе «После нигилизма» (1932): «Если мы хотим проследить корни происхождения нигилизма, ... мы, как известно, должны обратить свой взор на Россию. Час рождения этого понятия пробил в марте 1862 года, когда появился роман Тургенева «Отцы и дети»¹. Далее Бенн обрушивает на читателя ворох цитат, смешивая высказывания Тургенева, Некрасова, Писарева и Чернышевского: «...только послушайте, какие убедительные фразы долетают до нас из шестидесятих годов прошлого века: порядочный химик, слышим мы, в двадцать раз полезнее всякого поэта. Кусок сыра я предпочел бы всему Пушкину. ... Любый сапожник важнее Гёте и Шекспира. ... Делать искусство ... значит перетащить в салон два пианино, посадить за них двух дам, вокруг каждой полукругом должен встать хор, и пусть каждый поет и играет свое, и делает это как можно громче» [2, с. 290–291] (особенно любопытна трактовка Бенном последней цитаты из романа «Что делать?» – в ней Бенн углядел прообраз творческой практики дадаистов). Множество цитат, приведенных Бенном, завершаются формулировкой собственного вывода Бенна, содержащей жесткий приговор русскому нигилизму XIX века: «Наряду с этими истинами в жизнь и искусство последним воплем врывается атмосфера дешевого кабака» [2, с. 291]. Однако само употребление в данном контексте термина «нигилизм», столь любимого и самим Бенном, ставится под сомнение: «...нигилизм этого самого Базарова, собственно говоря, не был нигилизмом в его абсолютной форме, это было не просто отрицание, а фанатичная вера в прогресс, радикальный позитивизм в отношении естественных наук и социологии» [2, с. 290].

¹ Современная филологическая наука придерживается на этот счет иной точки зрения. Согласно А.В. Михайлову, «слово «нигилист» одновременно и параллельно появляется в литературе в Германии и во Франции в 1780-е и в 1790-е годы» и, «возможно, восходит к латинскому слову схоластических времен – «nihilianismus» [5, с. 543]. Однако считать ошибкой данное утверждение Бенна не стоит, так как даже после тщательного исследования европейских корней нигилизма А.В. Михайлов все же приходит к выводу об абсолютно новом прочтении нигилизма у Тургенева, о том, что «Тургеневу удалось «выпустить» это слово так, что его предыстория была тотчас же забыта» (5, с.610).

Как замечает В. Микушевич, нигилизм Готфрида Бена – «с музыкой» (отсылка к бенновской формуле «Nihilismus und Musik» из стихотворения «Hier ist kein Trost» – *Н.К.*), и в этом его явное (а, может быть, и тайное) отличие от базаровского нигилизма. Базаров отрицает искусство, а для Готфрида Бена нет ничего, кроме искусства» [4, с. 18]. Критикуя нигилизм XIX века, Бенн, таким образом, добивается более четких формулировок собственной, «нео-нигилистической» эстетической программы.

Другой важнейшей точкой интереса Бена к русской культуре было творчество Маяковского. Бенн в разных текстах упоминает его в числе главнейших фигур современной поэзии. Впрочем, немецкий поэт принимает Маяковского не целиком, Бенн постоянно оговаривает, что его интересует Маяковский «без большевизма», до тех пор, пока он не «начал писать оды в честь папаша Сталина» («Проблемы лирики») [1, S. 1062].

Помимо русской литературы, Бенн проявлял заинтересованность и в вопросах русского искусства вообще. В эссе «Искусство и Третий Рейх» Бенн размышляет о русском балете, который становится для него одним из примеров чистого искусства: «Появляется Дягилев – по сути дела, основатель нового театра. ... Духовно новым в его идее является объединение всех искусств и упрочнение каждого из них. ... Славянское и романское объединились здесь с обретающим все более четкие черты направлением: против искусства как вотчины чувства, против всего смутного, аморфного, романтически-идеализированного ... за полную проработку материала, за ясность установки, за «крепко сработанные вещи», ... за предельную точность в обращении с используемым материалом, за строгую композицию и подлинно духовную проникновенность. То был резкий поворот от так называемой «внутренней жизни» в сторону «выражения» [2, с. 357].

Балет Дягилева предстает у Бена таким образом как некий прототип искусства экспрессионистов, концепции «Ausdruckswelt», «мира выражения» самого Бена. В позднем прозаическом тексте «Роман фенотипа», составленном из разнородных фрагментов, мы встречаем другое свидетельство близости эстетики Бена к русской дореволюционной культуре. В тексте появляется развернутый экфрасис картины Кустодиева «Купчиха за чаем»: «Он (герой) видит картину художника репинской школы: на диво тучная, красивая женщина, патронесса, вкушает обильный завтрак. Просто великолепия! По воле живописца у нее все под рукой, никакой связи с жизненной прагматикой, никакого хронологического порядка, ни намек на причину и следствия – и все это выражено куда как сочно, с размахом, но оптически сконцентрировано. Колористическое богатство создается виноградными кистями, сеткой для волос, куполом луковичной башни на заднем плане и самоваром впереди. Дивная полная матрона, на столе в каком-то вихре столпились разнообразная выпечка, варенье, чай, ром, ломти арбуза, фрукты – есть в этом нечто меланхолическое, как говорится, несколько через край, тяжеловатая роскошь далекой восточной страны, в высшей степени чувственно, полнота чрезмерная, “у Черного моря розы трижды цветут...”» [2, с. 84].

Особенно важно в этом отрывке формула «никакой связи с жизненной прагматикой» – купчиха у Бена становится символом старого, ушедшего мира изобилия и не скованного прагматикой произвола, противостоящего современному миру прагматики и вечной нехватки всего и вся. В этом описании, наряду с несомненным интересом и восхищением, чувствуется и определенная ирония. Иронический модус характерен и для другого обращения Бена к теме русского изобразительного искусства. В эссе «Старость как проблема для художника» Бенн рассуждает о да Винчи и его искусстве, а затем добавляет в качестве некоего биографического курьеза: «Русский иконописец, живший неподалеку, после его смерти стоял перед мольбертом с “Иоанном Крестителем” и говорил: “Неслыханное бесстыдство: этот легкомысленный тип, обнажившийся как девка, лишенный усов и бороды, и есть предтеча Христа? Дьявольское наваждение, сгинь с глаз моих!”» [2, с. 437]

В позднем творчестве Бена русская тема особенно важна в двух текстах. Первый из них – это стихотворение 1943 года «Санкт-Петербург – середина столетия». Текст этого произведения представляет собой развернутый верлибр с множеством бытовых подробностей из жизни столицы Российской империи XIX века, в тексте упоминается, например, какое количество храмов той или иной конфессии имелось в то время в Петербурге:

...хор Исаакиевского собора;
Александр-Невская лавра,
церковь святых Петра и Павла,
усыпальница императоров,
а также остальные сто девяносто две греческие,
восемь римско-католических,
одна англиканская, три армянских,
латышская, шведская, эстонская,
финская церкви и часовни. [3, с. 135] (пер. В. Микушевича)

Нейтральная интонация этого каталогизирующего русскую жизнь верлибра допускает самые различные трактовки отношения автора к изображаемому. Так, авторы самых значительных сборников переводов Бенна на русский язык – В.Л. Топоров и В.Б. Микушевич – кардинально расходятся в этом вопросе, если первый видит в тексте «налет русофобии» [6, с. 494], то второй, напротив, «интимную, почти болезненную, любовь» Бенна к России. По нашему мнению, более близок к истине все же последний, – ведь если принять во внимание дату написания стихотворения и общий модус упоминания России у Бенна, симпатия Бенна к культуре «далекой восточной страны» становится очевидной, как бы он ни относился к политике, этой страной проводимой.

Русская тема также важна и в поздней драме Бенна «Три старика». В картине мировой истории, разворачивающейся в разговоре главных героев, безымянных стариков, Бенн обращается и не к самым приглядным страницам русской истории в рамках критики европейского сциентизма и империализма вообще. Так, он упоминает о жутком способе лечения лихорадки генералом Ренненкампом во время Русско-китайской войны рубежа веков: «От Гамбурга до Хакодате они (видимо, представители современной науки – *Н.К.*) ютятся по лазаретам, прививая бубонную чуму крысам, а легочную – табарганчикам. И от того и от другого, впрочем, лучше всего помогает пулемет. Так делали носители культуры в Индии и Ренненкамф в Маньчжурии: запирали зараженные города и уничтожали каждого нарушителя карантина, так что чума вылечилась сама собой» [1, S. 1586].

В тексте пьесы также появляется еще один символ ушедшего, довоенного мира – старая графиня, бывавшая при русском дворе, и его описание, превосходное по степени проникновения в эпоху, полно всевозможного реквизита, известного только самым внимательным читателям русской литературы: «Я спрашивал, что она теперь думает о четверке жеребцов и о Невском проспекте, по которому они мчались в открытых санях на царский бал. Вы прибываете, перед дворцом пылают огни, городовые подбрасывают дрова в огонь – царица в сияющем кокошнике, бриллианты струятся по атласному платью с перламутровых сережек до самых носочков – ароматы тубероз, а также икра, поданная так, как ее и нужно есть: на теплом калаче, булке с ручками, как у корзины...» [1, S. 1558–1559]

Заканчивает же пьесу Бенн длинным монологом одного из героев, где звучат такие слова: «Священное или нет, восток или запад, bye bye или *duswidanja* – мы были великим поколением: печаль и свет, поэзия и оружие, печаль и свет» [1, S. 1588]. Здесь Бенн перебрасывает мостик от истории и культуры России к современности, к поколению, а также от России к Америке и ко всему миру. Россия становится одним из символов времени, европейской и мировой культуры вообще. Однако, как нетрудно заметить из вышеприведенных примеров, Россия у Бенна двойится на русскую культуру, полную очарования «далекой восточной страны» и русскую политику, которая ведется вполне в духе других западных империй.

Важнейшим русским автором для Бенна был Достоевский. В стихотворении «Санкт-Петербург» лейтмотивом звучат аллюзии на «Преступление и наказание», а в «Трех стариках» Бенн говорит, что «христианство последний раз было убедительным в восточной редакции Достоевского» [1, S. 1575]. Для автора, чье отношение к религии было крайне противоречивым, как представляется, скорее он относился к ней со скепсисом, это крайне редкое и тем более ценное признание.

Достоевский поднимает Россию в восприятии Бенна на новый уровень. Итогом многолетних размышлений о России в творчестве Бенна становится позиция зрелого автора, для которого Россия уже не только страна с прекрасной, экзотичной «восточной» культурой и западной империей, родина первого нигилиста Базарова и одного из главных авангардистов Маяковского, но и флагман мировой религиозности, родина Достоевского, один из важнейших духовных центров мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Benn, G. *Gesammelte Werke in drei Bänden* / G. Benn. – Frankfurt am Main: Zweitausendeins, 2003.
2. Бенн, Г. *Двойная жизнь* / Г. Бенн. – М.: Летний сад, 2011.
3. Бенн, Г. *Перед концом света* / Г. Бенн. – СПб.: Владимир Даль, 2008.
4. Микушевич, В. *Готфрид Бенн – поэт мировой катастрофы* / В. Микушевич // Бенн, Г. *Перед концом света*. – СПб.: Владимир Даль, 2008. – С. 5–36.
5. Михайлов, А. *Из истории «нигилизма»* / А. Михайлов // Михайлов, А. *Обратный перевод*. – М.: Языки славянской культуры, 2000. – С. 537–627.
6. Топоров, В. *Предисловие* / В. Топоров // Готфрид Бенн. *Собрание стихотворений*. – СПб.: Издательская группа «Евразия», 1997.